

В этот момент мне пришлось сказать, что дядя ждет меня; «Это чтобы читать» — сказала я Александрине и, взяв мою большую подушку, чтобы поработать после чтения, я спустилась.

Войдя в гостиную, я положила мою работу, взяла «Всемирного путешественника» и хотела читать, но он меня тотчас прервал: «*Не я тебя звал и не для того, чтобы читать, а вот кто изволил тебя спрашивать*», — сказал он, указывая на двух маленьких птичек, которых с месяц тому назад моя тетя взяла из гнезда и которые так освоились, что клевали из моей руки; стоило мне опуститься на пол, то тотчас же эти проказницы с высоты люстры спускались, чтобы поклевать хлеба с молоком, который был им приготовлен. Это забавляло моего дядю. «*Давно они уже тебя кликают*, — сказал он мне. — *Смотри, вот она на люстре*». Я взяла их еду и положила на пол так, чтобы он мог меня видеть. Они тотчас же прилетели, он улыбнулся, и, казалось, ему нравилось смотреть на эту сцену; рассеявшиеся птицы взлетели, а он сказал мне со своей обычной добротой: «*Впрочем, мой друг, ежели тебе не скушно, то почитай мне*». «*Я с удовольствием читать стану, милый дядишка*», — ответила ему я и сразу же взяла книгу. Тетя, присутствовавшая при этом, поцеловала его несколько раз и ушла заниматься своими делами, я же читала до обеда. У дяди проснулся аппетит, и он тоже попросил обеда, но врач этому воспротивился, напомнив, что он принял утром рвотное, что желудок нуждается в отдыхе и что обедать должно лишь вечером. Более того, моя тетя заметила, что, несмотря на это, желудок у него еще был жесткий и переполнен, он ей ответил, улыбаясь: «*Это тебе, матушка, кажется*», — но согласился не обедать, заказав себе хорошую уху на 8 часов вечера. Вскоре после нашего обеда он сказал, что снова немного стали появляться спазмы, из чего заключил, что они происходят не из-за желудка, и что он смог бы без риска поесть супа; его доктор опять этому воспротивился. «*Хорошо тебе, братец*, — ответил он ему, смеясь, — *с полным брюхом мне есть запрещать, мой-то ведь пуст и есть просит*». Спазмы начались снова, но очень легкие, и так как он долго спал утром и не обедал, то остался в гостиной раскладывать пазлы. Поскольку мое письмо не было закончено, я попросила остаться Александрину Кожевникову и, сказав дяде, что вернусь, принялась рассказывать сестрам в письме, что спазмы уменьшились, но тем не менее он жаловался на легкое удушье в груди: «*Теперь, друзья мои*, — писала им я, — *я беспрестанно с дядишкой, опять всемирный, вечный путешественник засыпляет его, потом бостон целый вечер, хоть и не совсем весело, но, слава Богу, что дядишка чем-нибудь заняться может, это знак, что ему лучше, а, право, после этой передраги (такой сильный приступ спазм) так тяжело было нам всем, что теперь кажется и весело и хорошо*».